

Волны Закатного океана

Олаф Бьорн Локнит
Алмазный лабиринт

«Лениздат»

1997

Локнит О.

Алмазный лабиринт / О. Локнит — «Лениздат», 1997 — (Волны
Закатного океана)

От чьей руки пал таинственный зингарец, суливший несметные богатства пиратам? Что за клад предстоит отыскать в дарфарских джунглях? Конан не знал ответы на эти вопросы. Однако в руках у него был обрывок карты, и жажда приключений вновь будоражила кровь. Но он не мог и подозревать, что погоня за сокровищами заведет его в смертельную ловушку.

© Локнит О., 1997

© Лениздат, 1997

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олаф Бьорн Локнит

Алмазный лабиринт

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Западный Океан, побережье неподалеку от Аргоса, борт «Вестрела»

Маленький двухмачтовый кораблик подгоняемый слабым восточным ветром, неторопливо двигался вдоль берегов Аргоса. Шторм, бушевавший вчера над Западным Океаном, оставил на память о себе тяжелые мерные валы с грязно-белыми пенными гривами, плавно поднимавшие и опускавшие корабль. Море многое несло с собой: расколотые стволы деревьев, сорванные со дна лохматые водоросли, образовавшие на серо-зеленоватой поверхности воды бурые пятна, расщепленные доски – то ли от бывших прибрежных домов, то ли от судов, не переживших бурю.

Кораблю повезло – он уцелел и сравнительно дешево отделался: внезапно налетевший шквал сорвал и унес с собой верхние паруса, волны вдребезги разбили толстое слюдяное стекло в кормовом фонаре – на пробоине теперь красовалась наскоро наложенная заплатка – да выломали несколько досок в фальшборте. Судно, низко осевшее из-за чрезмерного груза и попавшей в трюм воды, спешило к порту.

Судя по плавной линии обводов, высоко поднятой корме, украшенной некогда позолоченными резными завитками, и двум довольно высоким мачтам, корабль был караком, построенным на верфях Зингары. Подобные суда все чаще появлялись на просторах океана, сменяя привычные тихоходные (хотя и более вместительные) галеры. Стремительные, верткие караки теперь постоянно шныряли между гаванями четырех морских держав, а единственным их серьезным недостатком было то, что при отсутствии ветра небольшие быстрые корабли немедля уподоблялись увязшей в смоле мухе и терпеливо ждали, когда небеса сменят гнев на милость. Но случалось подобное нечасто – даже слабого ветерка было достаточно для многочисленных квадратных парусов.

Новые суда оценили по достоинству не только купцы – обитателям Барахских островов они тоже пришлись по вкусу. Пусть карак не мог взять на борт столько же людей, сколько длинная галера, зато ему не было равных в молниеносном нападении и бегстве, в возможности подкрасться ночью к ничего не подозревающему поселку или вытащенному на берег «купцу», а затем так же незаметно исчезнуть в океане. Пусть тяжелые бронзовые тараны на носу галер порой пробивали тонкие борта караков насквозь, но зато скольких трудов стоило гребцам галеры развернуть свое неповоротливое судно, в то время как карак успевал несколько раз поменять курс и описать вокруг торопливо бьющей веслами галеры полный круг.

Но над кормой корабля не развевалось зловещее темно-алое полотнище – знак принадлежности к Красному Братству вольных Барахских островов, наводящий ужас на всех купцов от побережья Черных Королевств до Зингары. У карака не было никакого флага, лишь кормовом флагштоке ветер трепал вылинявший вымпел.

Изрядно поблекшие, выведенные некогда белой краской на темных досках буквы складывались в название корабля – «Вестрел». Ветер и волны сделали свое дело – имя судна было почти незаметно, а выписанное чуть ниже название порта приписки стерлось полностью, оставив на память о себе несколько неразборчивых знаков. Все эти странности, включая и серосиний цвет парусов, сливающихся с небом и морем, могли навести капитанов встречных судов

на нехорошие размышления... Но океан ныне был пуст, как в те дни, когда вода и земля отделились друг от друга.

На палубе карака остались следы вчерашней упорной борьбы со штормом – обрывки парусов, разлохмаченные канаты. Сорвавшийся с креплений бочонок, внутри которого что-то плескалось, перекачивался от борта к борту при каждом движении корабля. На сваленных в кучу мешках спали несколько человек, и, судя по громоподобному храпу, разбудить их могло только явление атакующего военного флота в полном составе или конец мира. Вахтенный на юте клевал носом, явно пренебрегая своими обязанностями, порой внезапно просыпался, осматривал осоловелыми глазами пустынный горизонт и снова ронял голову.

Впрочем, имелись и те, кто не спал после минувшей беспокойной ночи – рулевой да еще двое, устроившиеся на нижней палубе. Плоская крыша кают-компания, выступавшая над мокро поблескивавшими досками палубы, была застлана несколькими небрежно брошенными звериными шкурами. Поверх них лежал пообтрепавшийся кусок пронзительно-желтого бархата, а на нем, поджав ноги и кутаясь от свежего ветра в меховой плащ, сидела девушка.

Темноволосая, темноглазая, с капризным и надменным выражением на хорошеньком личике. Умело подкрашенные губы и подведенные глазки, а также количество украшений наводили на мысль, что подобная красotka была куда более уместна в дворцовых гостиных Кордавы, чем на потрепанном бурей корабле неопределенной принадлежности. Одних длинных покачивающихся серег с алыми капельками рубинов хватило бы небогатому семейству на год безбедной жизни. Девушка мрачно смотрела на затянутый низкими серыми тучами далекий горизонт так, словно он был виноват во всех ее несчастьях, нынешних, настоящих и грядущих.

Ее спутник – не вышедший ростом, тощий, и слегка напоминающий маленького хищного и пронырливого зверька вроде хорька или ласки – сидел позади красотки, прислонившись к мачте, и перебирал струны инструмента с длинным грифом и округлой декой, мурлыкая себе под нос какую-то песенку. Девушка чуть повернула голову и прислушалась.

Как роскоши осеннего полыхания
Ждет лист, весною пробужденный,
Так негаснущему жару желания
Грезится друг, ей судьбою врученный...

– Помолчи, – недовольно бросила девушка. – Надоел... Если очень хочется терзать чужие уши – пойдй спой что-нибудь Сигурду.

Молодой человек сделал вид, что не расслышал, и затянул погромче:

Вокруг него кружились черные тени,
Черные пасти скалили жестокие клыки,
И кровь текла, как вода...
Но любовь сильнее смерти.
Из бездны вырвалась и смерти злые чары победила,
Чтобы на зов его явиться...

– Да примолкнешь ты наконец? – зло спросила девушка, оборачиваясь.

– А что, тебе не нравится? – невинным голосом осведомился певец, опуская инструмент.

– Да, не нравится!

Она отвернулась, поджав губы и всем видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

– Это же происходило десять лет назад, – примирительно заметил парень. – Или даже больше. Кто знает, как все было на самом деле, и что вообще произошло?.. Ну зачем ты

злишься, Санча? Подумаешь, шторм, мало мы их пережили? Потрепало немного, так не потонули же! Скоро в Кордаву придем...

– Надоело мне все, – угрюмо отозвалась Санча. – Море, лоханка, которой давно пора на дно, орава головорезов, каждый вечер пьяных до поросычьего визга...

– Побрякушки, золото, камешки красивые, – подражая раздраженному голосу девушки, с готовностью подхватил собеседник. – И еще варвар, который тебе их дарит едва ли не сундуками, да только и знает, что пить и... За что?

Он вовремя откинулся назад, и занесенная для оплеухи рука девушки не достигла цели.

– ...А как только мы доберемся до берега, ты мигом побежишь в ближайший храм Митры и попросишь, чтобы тебя научили бороться с плотскими соблазнами, правда, Санча? – он издевательски подмигнул побелевшей от злости девушке. Конечно, только полный идиот рискнет ссориться с подружкой капитана, но пока подобные шутки сходили ему с рук.

– Змееныш ты, Вайд, – сквозь зубы процедила Санча. – И вместо языка у тебя жало.

– Неправда! – возразил Вайд. – Показать?

– Поди ты... – Санча подробно, но не очень умело указала, куда потребно идти некоторым не в меру болтливым бездельникам. Как следует научиться корсарским речениям Санча так и не сумела – благородная по рождению, как-никак. Вайд с деланным изумлением поднял брови, выслушав ее горячую речь, а потом заметил:

– Порядочные девушки таких слов, между прочим, не должны знать...

– Вот и поищи... порядочную, – и Санча отвернулась, завернувшись в плащ чуть ли не с головой. Дело принимало серьезный оборот – не на шутку обидевшаяся девушка вполне могла исполнить давнюю угрозу и пожаловаться на болтуна капитану, а у него рука не просто тяжелая...

– Санча, – медоточивым голосом позвал Вайд. – Са-анча! Я же пошутил, честное слово...

– Отвяжись, – глухо сказала красавица. – Болтун...

– Конечно, болтун, – с готовностью согласился Вайд. – Ты не сердись? Хочешь, я тебе серенаду сочини? Са-анча...

– Отстань же, плебей! – капризно отозвалась Санча. – Топай отсюда побыстрее.

– Да пожалуйста... – Вайд сполз с бархатной подстилки, подобрав свой инструмент. Все, выволочка обеспечена, и хорошо, если обойдется только этим. Что стоило лишний раз помолчать? Но кто же знал, что вчерашний шторм вместе с парусами унес у Санчи и способность понимать шутки? Да и что плохого, в сущности, он сказал? Ничего особенного, если разобраться. Но капитан точно разбираться не будет... Спрятаться теперь, что ли? Да разве спрячешься на маленьком караке?

Вайд прошелся по палубе, переступая через разбросанные канаты и обрывки снастей, заглянул в черный провал люка, ведущего в недра корабля, прислушался – и оттуда доносилось похрапывание, – подошел к дверям капитанской каюты, оглянулся и приложил ухо к щели между решетчатыми створками. Тихо, и это не слишком удивительно – вчера всем досталось, так что даже негибемый капитан непробудно спит. Причем в одиночестве; может, поэтому Санча злится? Он оглянулся на девушку, но та по-прежнему сидела неподвижно, уподобясь статуэтке из черного дымчатого камня, и мириться не желала.

Тяжело вздохнув над своей нелегкой судьбой, Вайд взобрался по узкой лестнице с высокими ступеньками на корму.

– Опять? – ехидно поинтересовался рулевой, рыжий и постоянно небритый Сигурд, ванахеймец, неведомо какими ветрами занесенный на Южное побережье. До того, как стать рулевым на «Вестреле», Сигурд успел побывать на Барахских островах и даже командовал кораблем, разбившимся впоследствии у зловещего Безымянного Острова. Тогда-то произошло его

знакомство с экипажем карака, подобравшем потерпевшего крушение ванахеймца. – А ты представляешь, что с тобой капитан сделает, если эта зингарская кошка нажалуется ему?

– Знаю. Кишки на уши наматает, – Вайд невовремя припомнил любимую присказку капитана и поежился, представив, как может происходить подобное действие. – Или печень вырежет и съест заставит. А то и вовсе сам съест, если Санча ее сперва пожарит. На оливковом масле.

– Вот именно, – Сигурд чуть повернул рулевое колесо с блестящими, отполированными множеством ладоней медными рукоятками. – Конечно, здесь не место женщине, но тебе следовало быть поумнее, Крысенок.

– Следовало, – согласился Вайд. – Но что-то не получается. Я тут посижу, ладно?

– Сиди, – кивнул Сигурд. – Дыши, пока живой.

Вайд присел возле резных перил, ограждавших верхнюю палубу, и взглянул на медленно катящиеся внизу волны и остающийся за кораблем пенистый след. Ветер усиливался, обложившие все небо тучи постепенно расплзались, на воде заплескали солнечные блики, а далеко на горизонте показалась едва различимая тонкая черная полоска берега.

– Сигурд!

– Чего тебе? – недовольно отозвался рулевой.

– Когда в Кордаву доберемся?

– Если ветер не переменится и никто по дороге не встретится, то через пару дней будем там.

– Ага... – задумчиво протянул Вайд. – Пара дней...

* * *

Вайд, которого со дня его появления на «Вестреле» прозвали Крысенком, был по происхождению тауранцем. Во всяком случае, его мать утверждала, что родилась именно в этой провинции Аквилонии, а позже перебралась в Кордаву. В это Вайд склонен был поверить, хотя матушка Акма частенько несла непредставимую чушь, особенно в вечера, когда у нее появлялись деньги, а с ними – выпивка. Послушать ее, так она не стала аквилонской королевой по чистому недоразумению и потому, что уж больно хлопотное это занятие. Вайд скептически хмыкал, слушая плаксивые разглагольствования расчувствовавшейся матушки о ее погубленной и пропащей жизни.

Когда-то Акма была довольно милой девушкой, но с годами опустилась, растолстела и стала одной из многих уличных потаскушек в Кордаве. Больше всего Вайда удивляло то, что матушка умудрялась находить клиентов достаточно часто. Видимо, людские вкусы действительно бесконечно разнообразны... Или непритязательны.

Какого бедолагу угораздило стать его отцом – Вайд не знал, а все попытки вызнать у матери, кто наградил ее эдаким подарочком, успехом не увенчались – она сразу начинала хныкать и жаловаться на судьбу. Наконец, Вайд смирился с тем, что его происхождение навсегда останется загадкой. Впрочем, ему было наплевать. Наверняка кто-нибудь из матушкиных «друзей», не слишком бы обрадовался неожиданному появлению неизвестно откуда взявшегося отпрыска.

Для самого Вайда родиной была Кордава, с ее узкими улочками, выложенными шершавыми гранитными плитами; с гаванями и верфями, занявшими берега вдоль залива и устья Черной реки; Морским рынком, необъятным и шумящим целый день; кораблями из всех стран Южного побережья и величественным королевским замком на скале над городом. Мальчишки

носились по длинным пристаням, нанимались перетаскивать груз с прибывающих кораблей, виртуозно срезали кошельки у зевак в толпе и не задумывались о том, что будет завтра.

Пятнадцати лет от роду Вайд заслуженно получил прозвище «Рифмоплет» – никто из портовых подростков не умел так быстро складывать забавные и не слишком приличные вирши обо всем попадавшемся на глаза. Умение оказалось выгодным – особо удачные строчки можно было продать морякам, желавшим поразить своих подружек. Однажды у него приобрела свеженький стишок компания молодых дворян и кто-то из них в качестве оплаты подарил старую виолу. Инструмент многое повидал на своем веку – не хватало двух струн, некогда блестящий лак на корпусе пошел трещинами и облупился, но все же это была настоящая виола, и Вайд внезапно решил рискнуть и попробовать сделать случайные заработки своим постоянным ремеслом. Через три года хозяева портовых таверн и кабачков с удовольствием приглашали его развлекать посетителей, безошибочно сообразив, что под незамысловатое жизнерадостное брэнчанье жуется и пьется куда веселее, и, что гораздо важнее для торговли и процветания заведений – посетители остаются довольны.

Последние три-четыре месяца Вайд постоянно обретался в таверне «Бездонная бочка», находившейся поблизости от Новой Гавани. То ли год был неудачным, то ли пираты с островов разбуянились сильнее обычного, но некогда многолюдная и шумная «Бочка» все чаще стояла пустой, и Вайд уже начал подумывать о том, что придется перебираться на другое место. Однажды вечером он решил, что немедленно скажет хозяину о своем уходе – искусство, так сказать, искусством, а желудок тоже своего требует.

С этой мыслью Вайд вошел в низкое, прокопченное и пропахшее горелым жиром помещение таверны, где его встретили громкие вопли посетителей, визгливый смех девиц и взъерошенный, задерганный хозяин, с неподдельным ужасом прошепавший: «Далайо и его сброд! Пойди, сыграй им что-нибудь, пока они все не разнесли!»

О Далайо, капитане каравеллы «Королева Юга», человеке, который, по слухам, потерял счет своим предательствам и преступлениям, Вайд был наслышан, но никогда его не видел. Сейчас, как утверждали, Далайо присягнул на верность зингарской короне, но стоило ли этому верить? Ведь совсем недавно над «Королевой» развевался флаг Красного Братства, за ней всю гонялись аргосские и зингарские боевые галеры, а теперь – пожалуйста... Интересно, что такое стряслось на Барахском архипелаге, что Далайо поспешил унести оттуда свою драгоценную задницу?

Теряясь в догадках, Вайд, перешагивая через чьи-то вытянутые ноги и не подающие признаков жизни тела перебравших вина гуляк, пробрался к своему месту – пустому бочонку, установленному на небольшом деревянном помосте возле входа на кухню. Усевшись поудобнее, он оглядел собравшихся в таверне пиратов, сокрушенно вздохнув про себя – «ну и рожи...», подтянул ослабевшую струну и негромко начал одну из самых любимых в Кордаве песен – «А что нам море – чужое горе, а что свобода – путь до восхода...» Пытаться перекричать посетителей «Бочки» было совершенно бесполезно. Вайд по собственному опыту знал – постепенно до их затуманенных темным зингарским вином голов дойдет, что в зале присутствует посторонний звук, они волей-неволей заинтересуются... А там и слушать начнут, да денежки платить если пение трактирного музыканта понравится.

Так, собственно, и получилось – вскоре нестройный, заплетающийся, но дружный хор с увлечением подтягивал припев к старой истории об олухе-боцмане и его молодой и чрезмерно любвеобильной супруге. Горка монет в поставленной для этой цели большой глиняной кружке из-под пива росла, веселье всю продолжалось, со всех сторон выкрикивали названия песен – знакомые и не очень, и время, если судить по большой свече-часам, приближалось к полуночи. Вайд уже немного охрип, сбил подушечки пальцев на левой руке и стал подумывать о том, что на сегодня, пожалуй, хватит, и пора сматываться, пока перепившиеся моряки не взялись

за любимое дело – громить трактир. А в том, что гулянка закончится доброй дракой, он не сомневался – уж больно много бочонков и кружек было сегодня опустошено.

– Все, все! – с этими словами Вайд спрыгнул со своего бочонка, поднял изрядно потяжелевшую кружку и поискал взглядом хозяина – дал бы пожрать чего-нибудь, жмот... – Завтра, завтра! Нет, благодарю! – это относилось к почти не владеющей языком компании, настойчиво приглашавшей его выпить. – Всем приятного вечера!

Подставленную ногу он заметил слишком поздно – только когда запнулся об нее и растянулся на заплыванном и залитом вином полу. Несколько монет вылетели из кружки, которую Вайд, даже падая, не выпустил из рук, и укатились, звеня, куда-то под столы.

«Начинается, – мрачно подумал Вайд, поднимаясь на ноги и оглядываясь. – Я же знал, что какая-нибудь гадость обязательно случится. И именно со мной... Ну, и что теперь? Можно идти?»

Он укоризненно посмотрел на компанию за столом, но те, веселившиеся над удачной шуткой, не обратили на это ни малейшего внимания. Один из них, горбоносый, хорошо – даже слишком хорошо, по мнению Вайда – одетый, с пронзительно смеявшейся девицей на коленях, издевательским тоном обратился к Вайду:

– Надеюсь, ты не ушибся?

– Нет, – коротко ответил Вайд, высматривая, как бы поскорее улизнуть.

– А мне показалось... – начал горбоносый, но его перебили:

– Пусть сбренчит, капитан!

«Поздравляю, это – Далайю. Знаешь, парень, ты просто невероятно везуч!»

– Видишь ли, – нарочито извиняющимся голосом сказал Далайю. – Моим людям нравится ваше... – он небрежно пошевелил пальцами в воздухе, и Вайд с завистью посмотрел на радужные переливы камней в многочисленных кольцах. – Не откажи в их маленькой просьбе...

Далайю был последним человеком в Кордаве, с которым стоило бы ссориться, но Вайд устал и не испытывал ни малейшего желания играть для этого изысканного стервеца и его шайки.

– Я тоже хочу послушать, – капризно заявила девица. – Пусть он сыграет, дорогуша!

– Прошу прощения, господа, я ухожу, – Вайд осторожно сделал шаг назад, проклиная себя за то, что полным ходом вляпывается в очень большие неприятности. – Приходите завтра...

– Вот как? – холодно осведомился Далайю. – А мне кажется, что ты останешься здесь.

– А мне не кажется, – пробормотал Вайд, делая попытку обогнуть стол и проскочить к дверям. Неудачную попытку – один из собутельников капитана «Королевы Юга» оторвался от скамьи, и, железными пальцами, будто осьминог щупальцами, ухватил его за рукав. Вайд рванулся, затрещала рвущаяся ткань, но отделаться от назойливого пирата не удалось. Вайд выругал себя за то, что рассчитывал на спокойный вечер и не захватил с собой кинжал – пора запомнить раз и навсегда, в Кордаве никогда не бывает спокойных вечеров! – и коротко ударил сложенными кулаками покачивающегося матроса в солнечное сплетение. Это подействовало – пальцы, сжимавшие его рукав, разжались, корсар шумно выдохнул, пробормотал какое-то проклятие и, пошатнувшись, осел на пол.

– Вот как? – поднял бровь Далайю. – Ты, оказывается, предпочитаешь, чтобы тебя заставляли? Ну что же, как угодно...

Прежде чем громили Далайю поднялись из-за стола, Вайд метнулся к выходу, не приняв в расчет того, что в «Бочке» еще не все пришли в приятное состояние полного опьянения и заметили, как у стола капитана происходит что-то непонятное. Пробиравшийся со всей возможной быстротой к выходу Вайд врезался в поднявшегося навстречу пирата, отскочил в сторону, пройдясь по чьим-то ногам, увернулся от летящей в голову кружки, налетел еще на одного матроса с «Королевы Юга», и на этом бегство закончилось. Владелец твердокамен-

ной спины повернулся и наградил Вайда таким ударом в челюсть, что тот отлетел в сторону, с размаху приложившись затылком о бревенчатую стену. В голове безумным галопом пронесся табун одичавших лошадей, и сквозь их топот Вайд слышал неизвестный низкий голос:

– Оставь парня в покое. Он же ясно сказал, что уходит.

Вайд попытался разглядеть что-то через плывущую перед глазами розово-красную пелену и увидел силуэт человека, поднявшегося со скамьи в дальнем конце зала. Вайд помнил компанию из трех или четырех человек – эти люди пришли позже всех, сели отдельно, спросили красного аргосского да закуски, и приступили к уничтожению огромного количества принесенной еды. Сейчас один из них встал и лежавший на полу Вайд готов был поклясться, что головой незнакомец упирается прямо в низкий закопченный потолок. Голоса долетали до него, как через толщу воды, и Вайд с трудом понимал, о чем идет речь.

– Я всего лишь попросил его сделать моим друзьям одолжение, – надменный голос Далайо.

– Так это была просьба? – рокочущий низкий голос незнакомца. – А мне показалось, что твои головорезы собрались сделать из мальчишки отбивную.

– Тебе именно показалось, мой друг, – в ледяном тоне капитана «Королевы» прозвучало нечто вроде тщательно скрываемой тревоги.

– С каких это пор у меня в друзьях шелудивые псы? – и громыхнул дружный хохот за столом незнакомца.

– Откуда мне знать, кого ты еще подберешь из канавы? – «шелудивого пса» Далайо, как это не странно, пропустил мимо ушей. – Это твой приятель?

– Первый раз в жизни вижу.

В голове у Вайда немного прояснилось, но единственная мысль, оставшаяся там, была следующей: «Бежать, и побыстрее!» Поэтому он с трудом встал, цепляясь за стену и, шатаясь не хуже нагруженного под завязку морского волка, выбрался из «Бездонной бочки» на улицу, оставив позади и Далайо, препирающегося с незнакомцем, и сборище пьяниц. Он сообразил, что оставил в таверне нечто важное, но возвращаться не решился.

Проковыляв по улице, и, к счастью, не натолкнувшись на ночные патрули, обходящие кварталы возле гавани, Вайд выбрался к тихо журчащему фонтанчику, установленному возле богатого дома. Сунув нещадно болевшую голову под стекающую из пасти каменной рыбы струю, он подумал, что все демоны Тьмы вкупе с самим Отцом Ночи Сетом не заставят его вернуться в эту треклятую таверну. Не-ет, хватит с него! Жизнь дороже!

Вайд потряс головой, убедился, что все зубы на месте, пригладил мокрые каштановые волосы... Чего-то не хватало, и, сообразив, чего именно, он тихо охнул и медленно сполз по стене на плиты мостовой. Кружка с вырубкой. Три или четыре дня безбедной жизни. Он забыл кружку, из-за которой вытерпел столько мучений.

«Забыл, – тупо повторил Вайд, бессмысленно уставившись прямо перед собой. – Идиот. Бренчалка. Лучше бы мне голову проломил. Забыл.»

Он не помнил, сколько просидел так, слушая монотонный плеск воды в гранитной чаше, пока не понял, что рядом стоит человек. В тусклом свете качающегося высоко над головой масляного уличного фонаря Вайд разглядел пару потрепанных сапог с окованными носками. С трудом поднимая голову, он увидел над собой силуэт высокого мужчины, а по раздавшемуся голосу признал неизвестного из таверны.

– Твое?

Рядом с Вайдом упал глухо звякнувший кожаный мешочек, туго перетянутый обрывком бечевки. Еще не веря в то, что удача не отвернулась окончательно, Вайд протянул руку, дотронулся до мешочка и поднял его. Приятная тяжесть оттягивала ладонь и даже сквозь плотную кожу чувствовались острые ребра монет.

– С-спасибо, – с трудом выговорил он. – Я... Мне было не до того...

– Немудрено, – усмехнулся незнакомец. – Идти можешь?

– Могу, – в доказательство своих слов Вайд не очень уверенно поднялся на ноги, сунув драгоценный мешочек за пазуху. Теперь он понял, что в таверне зрение не обмануло – неизвестный был на две или три головы выше него. Не удивительно, что он доставал головой до низкого потолка «Бочки». – Мне в Гавань, а тебе?

Высокий согласно кивнул и широким скользящим шагом двинулся вниз по улице. Вайд пристроился рядом, отметив про себя, что этот странный человек при движении почти не производит шума. Даже звука шагов не слышно, точно рядом с тенью идешь. Вайд искоса рассматривал в свете редких фонарей своего неожиданного попутчика: одет хорошо, но без излишней роскоши, как Далайо, одежда скроена так, чтобы ничто не мешало движениям, лицо с резкими, грубоватыми чертами, грива черных волос... И еще огромный меч в ножнах за спиной, длиной чуть ли не с самого Вайда. Однако для подобного верзила такой клинок, наверное, как игрушка. Под очередным фонарем неизвестный чуть повернул голову, и Вайд удивленно отметил, что глаза у него светло-синего оттенка, почти не встречающегося в землях юга. Откуда этот тип мог взяться и кто он? Ведь видел же его уже где-то... Или слышал? Нет, видел. Совсем недавно видел, только вспомнить бы, где...

– Мне сюда, – неизвестный остановился в начале улицы, ведущей к пристаням Новой Гавани. Вайд тоже остановился, посмотрев на залитое лунным светом море в просветах между домами.

– Тебя как зовут, заморыш? – неожиданно поинтересовался незнакомец. «Заморыш» прозвучало у него слегка презрительно, но не обидно, и Вайд с готовностью откликнулся:

– Вайд. А тебя я вспомнил. Ты с «Вестрела», королевский корсар, Конан Киммериец, правильно?

– Да. Сам догадался? – подозрительно спросил северянин.

– Кто же тебя не знает, – почти честно ответил Вайд. Если бы у не кружилась после удара голова, он еще в таверне сообразил, с кем свела его судьба. – Спасибо, что выручил. Попутного ветра, капитан.

Он прошел всего несколько шагов, когда сзади раздался оклик:

– Эй, как там тебя... погоди!

Вайд замер на месте, и осторожно повернулся, не зная, чего ожидать. Из вороха сплетен, которые он слышал об этом непостижимом человеке, и половине которых напрочь не верил, следовало одно – трижды подумай, прежде чем становится капитану Конану поперек дороги или просто обращать на себя его внимание. Сейчас Вайд лихорадочно вспоминал все, что довелось узнать на Морском рынке Кордавы, от словоохотливых купцов или подвыпивших моряков. Как-то страшновато находиться в обществе настоящей легенды...

Впервые киммериец объявился на Южном побережье десять или девять лет назад. До сих пор большая часть купцов клялась всеми богами, что, видно, кто-то из небожителей решил посмеяться над бедными смертными, столкнув на бескрайних просторах Западного Океана два корабля, две галеры – торговую, спешившую с грузом из Аргоса в Шем, на которой бежал от аргосских законников молодой наемник из далекой северной страны Киммерии, и «Тигрицу», принадлежавшую шемитке Белит.

Что вышло из этой встречи – запомнили на всем побережье, и, наверное, будут вспоминать еще не один десяток лет. Тигрица нашла себе льва, и не знающая удержу парочка заставила трястись всех купцов цветущего Юга. Даже баракские пираты побаивались этой парочки, а в Стигии (подумать только!) начали спешно собирать военный флот, с одной-единственной целью – найти, догнать и уничтожить «Тигрицу», да так, чтобы ни одной щепки не осталось. Белит ненавидела стигийцев – всех и каждого в отдельности, мстя за сожженный поселок, в котором она родилась, за погибшую семью и родных. Стигийцам не пришлось долго искать – Белит и ее приятель-северянин явились сами, пробравшись в охваченную мятежом провин-

цию Стигии Тайю, и учинили там нечто такое, о чем даже сплетен не ходило, а все мельком слышавшие о тогдашних делах бесшабашной пары разводили руками, закатывали глаза и многозначительно восклицали: «Да-а...»

А потом «Тигрица» пропала. Некоторые утверждали, будто галера ушла в Черные Королевства, где шемитка и киммериец основали свое государство, иные говорили, что галера погибла во время зимних штормов, а кто-то уверенно заявлял, что и на «Тигрицу» нашлась управа – не иначе, как Сет самолично явился разобраться с парочкой смертных, не боявшихся никого и ничего. Так или иначе, а зловещая галера с резной головой тигрицы на носу не появлялась на горизонте, и многие облегченно вздохнули, решив, что она не появится больше никогда.

И ошиблись. Спустя три или четыре года северянин вернулся откуда-то с востока – то ли из расположенного на самом краю земли Турана, то ли из еще более далеких Кхитая и Вендии, с полными карманами золота, и подался на Барахские острова, где в скором времени обзавелся галерой, названной в честь сгинувшей тоже «Тигрицей», собрал команду из лихих парней и вышел в Западный Океан. Тогда же наконец выяснилось, куда делась неукротимая Белит – погибла вместе с большей частью своей команды в Стигии, на ядовитой реке Заркхебе, в брошенном городе, где бешеная парочка попыталась раздобыть древние сокровища...

«Тигрица» – Вторая оказалась ничем не лучше предшественницы, и проклятий от ограбленных купцов на нее сыпалось ничуть не меньше. Но и эта галера сгинула в небывалой силы шторме, пришедшем с севера и пронесшимся над океаном, подобно гневу богов далеких полуночных стран. В приморских городах украдкой шептались, что ураган был не простым порождением играющих стихий, а создан враждующими колдунами. Маги тут были виноваты или не маги, а доподлинно вскоре стало известно – «Тигрица» разбилась на острых камнях у побережья одного из многочисленных островков. В четырех морских державах снова возблагодарили богов, и опять оказалось, что поторопились...

Впрочем, купцам было грех жаловаться – они получили почти пять лет передышки и спокойной жизни, прежде чем бывший капитан «Тигрицы» вновь возник на Южном побережье. Вернее, сначала Конан Киммерийский появился на Барахских островах, но с кем-то не поладил (что было совершенно не удивительно при его буйном характере и простых взглядах на жизнь) и отправился на поиски удачи дальше. Он и нашел ее – на зингарских берегах, где остановился карак под названием «Вестрел», принадлежавший вольному корсару Запорово, не входившему ни в Красное Братство, ни в сообщество королевских корсаров Зингарской короны.

Прошло менее месяца, и капитан на караке сменился. Прежний, между прочим, остался кормить стервятников на далеком южном острове, не нанесенном на карты Западного Океана – редко какой удалец отваживался забираться в эдакую даль. «Вестрел» благополучно вернулся в Кордаву, новый капитан разумно предпочел делиться доходами с короной, получив взамен удобную гавань, одну из лучших на всем Южном побережье, и патент «королевского корсара».

А четыре или пять месяцев назад, когда в королевском дворце произошли некие странные и загадочные события, связанные с молодой принцессой Чабелой (рассказывали про ее несостоявшееся замужество), «Вестрел» и его капитан невероятным образом оказались в самом центре событий. Что в действительности произошло – осталось тайной за семью печатями... Карак по-прежнему уходил в море и возвращался, три четверти награбленного добра оседали в подземельях кордавского коронного замка, и все было, как всегда... Ну, или почти как всегда.

- Я, кажется к тебе обращаюсь. – снова громыхнул голос капитана Конана.
- Слушаю, капитан, – отозвался Вайд, мотнув головой, будто проснувшись.
- В море ходил?

– Да, два раза – в Аргос, – это было правдой, Вайд действительно бывал в Мессантии с торговыми галерами. О том, что первый раз путешествие было невольным – он прыгнул на отходящий от пристани корабль, спасаясь от разъяренного шемитского купца и его слуг, у которого незадолго до того срезал с пояса туго набитый кошелек – Вайд благоразумно умолчал. – А... а что?

– Ничего, – буркнул в ответ неразговорчивый варвар. – Приходи завтра к Новой Гавани. К «Вестрелу». Там посмотрим...

Сказав это, Конан круто развернулся на каблуках и стремительно зашагал вниз по улице, оставив Вайда стоять с полуоткрытым от удивления ртом и гадать, не подкидывает ли ему насмешливый Бел, покровитель воров и бродяг, новенькую неожиданную каверзу.

Наутро все произошедшее показалось Вайду не более чем причудливым сном, но внушительная шишка на затылке и тяжелый мешочек с медью и серебром неоспоримо доказывали обратное. Прикинув, как сейчас поступить, Вайд невольно припомнил маму Акму. Конечно, большую часть своей жизни почтенная родительница несла редкостную по глупости чушь, но кое в чем была безусловно права. Например, матушка всегда утверждала: «Если ты своими глазами видел, как человек уронил в выгребную яму набитый кошелек и не стал его доставать, сходи и пошарь. То, что потеряешь, не идет ни в какое сравнение с тем, что можешь найти...»

– Вот твоя навозная яма, – поделился сам с собой Вайд. – Прыгнем? Обязательно прыгнем, только сначала позавтракаем... Хорошо быть богатым... Хоть иногда...

Знаменитый «Вестрел», предусмотрительно отшвартованный в самом конце гавани, поближе к выходу в океан, при ближайшем рассмотрении несколько разочаровал – обычный карак, потрепанный штормами и не в меру игривыми волнами. На борту, свесив ноги, сидел мальчишка-зингарец, на вид чуть постарше Вайда, и с глубокомысленным видом поплевывал в воду вишневыми косточками. Очередная косточка звонко стукнулась о причал, мальчишка поднял голову, внимательно осмотрел несколько удивленного гостя с ног до головы, точно прикидывая, сколько в нем живого веса, и свысока осведомился:

– Куда прешься?

– Если это корыто – «Вестрел», то сюда... А капитан где?

– Ушел, – мальчишка пожал плечами. – Я что, нанимался за ним следить? Ты – Вайд?

– До вчерашнего дня – да.

– Тогда не стой как... – мальчишка хихикнул. – Поднимайся. Меня, кстати, кличут Болто, я здесь юнгой. Ну что, до вечера будешь стоять и пялиться?

– Куда идти – туда? – Вайд оторопело посмотрел на ехидную физиономию мальчишки, но тот, видно, не шутил, предлагая подняться на борт. Болто демонстративно постучал себя указательным по голове и вынес приговор:

– Ну и тупой... Сюда, сюда.

Вайд редко обращался с просьбами к богам, вполне справедливо полагая, что у небожителей и без него хватает забот, но сейчас, кажется, был именно такой случай...

«Митра, говорят, ты все видишь и все знаешь, так прими во внимание, пожалуйста, что я этого не хотел! Честное слово, все как-то само собой получилось... Ну что, прыгаем?»

Вместо полагающихся мостков с борта корабля на причал были переброшены две хлипкие на вид и проседающие под ногами доски. Маленькие, мерцающие золотом под утренним солнцем, волны покачивали карак, поскрипывали снасти. Продолжая ломать голову над загадкой, зачем капитану королевских корсаров понадобился на судне человек, почти незнакомый с морем и напроць неподходящий для включения в команду, Вайд перебрался с берега на корабль.

«Сейчас мешок на голову, в трюм, отвезут куда подальше и продадут, – с мрачным весельем подумал он, оказавшись на палубе. – Только кто купит?»

* * *

Вайд, задремавший под плеск волн, проснулся от того, что палуба под ним резко качнулась и он едва не скатился по лестнице вниз, успев схватиться за точеную колонку перил. Ветер менялся, заходя с юга, и Сигурд разворачивал корабль на другой галс. Берег, что с утра казался темным облаком, прилегшим на горизонте, теперь приблизился. Судя по различимым даже отсюда желто-оранжевым скалистым обрывам и тому, что вода в море стала гораздо светлее, неподалеку находилось устье одной из самых больших рек Южного побережья – Хорота. А значит, и расположенная неподалеку Мессантия, и аргосские боевые галеры, которые с величайшим удовольствием погоняются за потерявшим часть парусов караком и, по возможности, отправят его на дно.

На палубе стало оживленнее – проснувшийся экипаж выбирался наверх, глотнуть свежего воздуха и взглянуть, что делается в мире. Вайд услышал пронзительный возмущенный голос грозы команды – боцмана Зелтрана, распекавшего кого-то под первое и под десятое, поминая всех морских демонов, и требовавшего, чтобы немедленно – немедленно, слышали, сборище недоумков? – все безобразие на палубе и в трюме было убрано, потому что это не корабль, а плавучий хлев, а боцман не собирался идти на одном судне со свиньями!..

– Ставлю четвертак, что Крикун сейчас помянет зингарскую корону, – предложил Вайд, с интересом наблюдая за мечущимся по палубе боцманом. Сверху казалось, что у грузного Зелтрана совсем нет ног и он эдаким говорливым шариком катается от борта к борту. – И что мы недостойны высокого звания корсаров его величества... Кстати, где наш флаг?

– Ну и выиграл ты свой четвертак, – отозвался Сигурд. – А флаг вчера сорвало. Сходи вниз, поищи, может запасной есть, а то вдруг аргосцы не разглядят и за своих примут. Некрасиво получится: они к нам, как к родным, а мы их...

– Вниз – ни за что! – Вайд попятился от лестницы и огляделся – нету ли местечка, где можно спрятаться. Такового на маленькой площадке верхней палубы, конечно, не оказалось, разве что за борт прыгнуть. – Там капитан. И Санча, кошка драная...

И точно – Санча, состроив обиженное личико маленькой девочки из хорошей семьи, которую толкнул пробежавший мимо уличный оборванец, с жаром повествовала о всех мыслимых и немыслимых оскорблениях, нанесенных ей подлым Крысенком. Какое-то время капитан внимательно слушал ее, затем поднял голову и осмотрел корабль, явно кого-то выискивая.

– Все, – обреченно сказал Вайд. – Пожаловалась. Как сейчас все славно повеселятся, кроме меня... Не поминайте лихом. Говорят, мучеников пропускают в рай без очереди...

– Так тебя в рай и ждут, – жестоко заметил здравомыслящий Сигурд. – Таким знаешь, где место?

– Варвар, – отозвался Вайд. – Никакого сочувствия. Это оттого, что ты мне остался должен. Отгадай, какая разница между задницей вашего Имира и твоей головой?

– Ну? – подозрительно спросил Сигурд.

– Ты говорить умеешь, – быстро проговорил Вайд и с воплем: – Капитан, вы не меня случайно ищите? – спрыгнул с рулевой палубы вниз, навстречу неизбежной расправе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кордава, столица Зингары

В таверне «Девять стрел», располагавшейся на Портовой улице Кордавы и принадлежавшей вот уже четвертому или пятому поколению почтенного семейства Габоралов, было шумно. Настолько шумно, что обитатели близлежащих домов начинали подумывать, не сходить ли за силами охраны порядка и законности, то бишь за обходящими город патрулями. Звуки, доносящиеся из тихого и спокойного доселе заведения, наводили на мысль, что в таверне развернулось настоящее сражение не на жизнь, а на смерть. Табуреты и бесчувственные тела из окон, правда, пока не летели, но дружный ор, перемежаемый пронзительными женскими взвизгиваниями и хихиканьем, разносился на несколько окрестных кварталов, неминуемо предвещая погром и пьяную драку. Если не в таверне, то на улицах. А не на улицах, так в порту... Таверна пережила три пожара, осаду города и несчитанное число ураганов, но кто знает, не увидят ли утром на ее месте гору дымящихся обломков?

Никто не помнил, кто из первых владельцев прибил над входом в кабачок широкую доску с воткнутыми в нее девятью короткими толстыми стрелами, отлитыми из темно-красной меди. Стрелы походили на арбалетные, но они никогда не касались арбалетного ложа, их просто однажды загнали в волокнистую древесину по самое оперение, и в таком виде они успешно заменяли вывеску.

Но сегодня собравшимся возле входа изрядно разозленным горожанам было не до происхождения девятки стрел. Благонамеренные кордавцы, напрочь забыв о правилах поведения в обществе, решали: кто отправится к Габоралу и выяснит, какие мерзавцы гуляют у него вот уже третий день и все не нагуляются, а также – не пора ли принять меры по принудительному прекращению излишне буйного веселья.

Наконец, собрание разыскало в своих рядах наиболее достойного – того, которому было нечего терять и по чьей безвременной кончине не станут убиваться безутешная вдова и осиротевшие детишки. Выбранный представитель, только что кричавший громче всех, сразу сник и попытался отказать от столь почетного поручения, но, слегка подталкиваемый в спину, спустился на три ступеньки вниз, распахнул тяжелую дубовую дверь и исчез в клубах гулявшего по таверне сизого дыма.

Ждали его долго. Толпа под дверями «Стрел» успела разрастись вдвое и некоторые уже бились об заклад, что посланник сгинул навеки, когда дверь чуть приоткрылась и в образовавшуюся щель выпал представитель народа. Взобравшись на четвереньках по ступенькам наверх, он с бессмысленной, но счастливой улыбкой свернулся калачиком под стеной питейного заведения и явно вознамерился малость вздремнуть, не обращая внимания на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. Лишь после того, как ему на голову вылили пару ведер холодной воды, народный избранник, запинаясь, сообщил интересующую всех собравшихся вещь:

– «В-вестрел»...

Горожане переглянулись и обреченно вздохнули, мысленно посочувствовав бедняге Габоралу и самим себе. Предпринимать что-либо или обращаться за помощью к гвардейцам было совершенно бесполезно: еще не родился человек, что смог бы укротить разошедшийся после удачного похода экипаж корсарского карака. Все, что оставалось сделать в такой ситуации – от души проклясть засевших в таверне пиратов и разойтись по домам, надеясь, что рано

или поздно золото у беспутных проходимцев кончится и они вернутся туда, откуда пришли – в море...

Одетый в темное человек, пристально наблюдавший за недовольной, медленно редющей толпой из густой тени под аркой дома напротив «Девяти стрел», вышел на улицу и остановил одного из почтенного вида горожан. Последний совершенно не мог смириться с поражением и горячо доказывал, что нужно спалить к Нергалу таверну. Сообразив, что перед ним приезжий или тот, кто не слышал слов рискнувшего зайти в таверну, кордавец с радостью ухватился за неожиданно представившуюся возможность отвести душу.

Он подробно высказал все, что думает о престарелом короле Зингары и его безумных решениях, последствия которых расхлебывают несчастные подданные. Вот, например, эти королевские корсары, чтоб им всем провалиться сквозь землю или утопнуть вместе со своими проклятыми кораблями! Ни днем, ни ночью покоя нет, управы на них никакой, и пожаловаться не смей – они, видишь ли, под особым покровительством короны, так что тебе же и нагорит, коли против них ляпнешь что-то! Зачем, спрашивается, они нужны – против баракцев? Так половина из этих мерзавцев сами бывшие баракцы, и против своих дружков никогда в жизни не пойдут! Предположим, от Аргоса они худо-бедно зингарские корабли защищают, но ведь и сами, ежели случай подвернется, ограбят и смотреть не будут, кому принадлежала обчищенная подчистую галера.

А этих, с «Вестрела», давно пора гнать из города, вместе с их капитаном-варваром, которого даже гнев богов не берет! Любой другой нормальный человек уже давно отправился бы напрямик на Серые Равнины, давать отчет о своих делах Владыке Мертвых, а киммерийскому дикарю хоть бы что! Сколько раз достоверно утверждали, что отправили его на дно – два, три, десять? И каждый раз он снова возвращается!

– Варвар? – впервые проявил признаки заинтересованности доселе молчаливо внимавший горячему монологу обывателя славного коронного города Кордавы его собеседник.

– Самый что ни на есть варвар и дикарь! – заверил его горожанин. – Из этой, как ее... Ну, которая на севере, за Аквилонией... Чего ему дома не сиделось, не понимаю?

– И он сейчас там? – незнакомец кивнул в сторону таверны, продолжавшей содрогаться от разудалых криков и раскатов хохота.

– Где ж еще? – недоуменно отозвался горожанин и с растущим подозрением осведомился: – А у вас что, дело до него имеется?

– Вроде того... – неопределенно отозвался неизвестный, пересекая улицу и дергая на себя бронзовое кольцо на дверях «Девяти стрел». – Вроде того...

Достойный кордавец посмотрел ему вслед, в сердцах сплюнул, помянув Сета с его выкорышками, и отправился домой, размышляя по дороге, что могло понадобиться порядочному с виду человеку от такого злодея, каким, вне всякого сомнения является пиратский капитан, пусть и служащий высокой короне...

В просторном зале таверны, освещенном тускло горевшими плашками с маслом, за несколькими составленными вместе столами десятка два типов самого разбойного вида немелодично, но очень громко и дружно горланили разухабистую балладу о капитане Ригелло, первооткрывателе Баракских островов. Баллада повествовала о некоторых подробностях этого самого открытия, которые наверняка не были отмечены ни в одной летописи Южного побережья. Сидевшие вперемешку с корсарами девицы с готовностью взвизгивали в самых интересных местах и жеманно посмеивались. В дальнем углу оживленно резались в кости, и, судя по долетавшим выкриками, ставки быстро приближались к ежегодному доходу процветающего купца.

– Сброд, – вполголоса пробормотал посетитель, сразу же споткнувшийся о чье-то не подающее признаков тело. Быстрый осмотр убедил его, что тело принадлежит некоему бравому мореходу, пребывающему в состоянии блаженного опьянения, но пока отнюдь не мертвому.

Появлению в «Девяти стрелах» еще одного страждущего никто не удивился; точнее, его просто не заметили. Гость, прищурившись, оглядел темноватое помещение со сводчатыми потолками и маленькими зарешеченными окнами, перестроенное некогда из большого винного подвала. На потолке и стенах, заботливо побеленных рачительным хозяином, посетители оставили множество следов своего пребывания, расписав с помощью копоты от факелов и свечей белую известь названиями кораблей, собственными именами, а также высказываниями, многие из которых можно бы было назвать мудрыми, будь они высказаны несколько другим языком и в более доступной пониманию простого обывателя форме...

По таверне тугими сизыми клубами плавал дым, вытекая из распахнутых настежь дверей кухни, где что-то вовсю шипело, трещало и булькало. Взмокшие служанки носились по таверне с подносами, уставленными тарелками, кружками и бутылками. Сложенным вдоль стен в пирамиды огромным винным бочкам устроили форменное кровопускание, постоянно забывая закрывать краны, и весело журчащие струйки темного и светлого вина сливались на полу в причудливые лужицы, над которыми поднимался кисловатый терпкий аромат.

Разудалая баллада завершилась общим дружным воплем, от которого ощутимо дрогнули стены, а затем последовал новый клич: «Хозяин! Вина!!»

Посетитель – ничем не примечательный человек средних лет, по виду типичный зингарец, с тронутыми сединой черными волосами, быстрыми темными глазами и острой бородкой, в одежде которого преобладали темные тона, с расчетом на то, чтобы в любой толпе не привлекать внимания, снова осмотрел зал, задержавшись взглядом на стоявшем особняком столе и людях, сидевшим за ним.

– Зачем пожаловали? – довольно развязно осведомился у гостя, явно колебавшегося – уйти или остаться? – незаметно подошедший молодой человек с потрепанной виолой под мышкой и с огромной пенящейся кружкой в руках. И вопрос, и нахальный тон были направлены на то, чтобы заставить нежданного посетителя побыстрее убраться, пока цел, но вместо этого зингарец деловито спросил:

– Капитан здесь?

– А что, он тебе позарез нужен, дедуля? – пират попытался отхлебнуть из своей кружки и едва не выронил жалобно звякнувший инструмент.

– Да, – посетитель неуловимо быстрым движением извлек откуда-то ярко блеснувший кругляшок. С привычной ловкостью, выдававшей немалый опыт, обладатель виолы выхватил монетку, попробовал на зуб, и после некоторого размышления кивнул:

– Пошли.

* * *

Прошедший месяц был удачным. Очень удачным, если не принимать в расчет стремление Фердруго набить свою казну и желательно за чужой счет. Треть от добычи, где ж такое видано? И это после всего, что сделано для потерявшего последние остатки разума старикашки! Конечно, нигде на Южных побережьях не найдешь гавани лучше кордавской, но весь вопрос в том, насколько далеко простирается расположение короля к собственным корсарам? Если этот предел уже близко, то тогда – прощай, Кордава! Хотя совсем не хочется так быстро покидать приморский город...

Конану действительно нравилась зингаранская столица, хотя он предпочитал никогда надолго не задерживаться в городах. Шумная, многолюдная Кордава – как раз то место, где проще простого затеряться. Варвар уже бывал здесь, и с некоторым удивлением обнаружил,

что за прошедшие годы в городе почти ничего не изменилось. Разве что старый хрыч и скряга Фердруго стал еще старше и скупер, а его маленькая дочка выросла.

Вспомнив о принцессе Чабеле, Конан невольно ухмыльнулся. Конечно, мысль жениться на ней можно оправдать только временным умопомешательством, вызванным слишком длительной беготней под одуряюще жарким солнцем Стигии и Черных Королевств. Слава всем богам, сколько их не есть, Чабела оказалась умной девушкой и вовремя поняла всю безнадежность своей затеи, тем самым спася родную страну от немыслимого бедствия, в виде киммерийского варвара на древнем кордавском престоле. Хотя, надо признать, задумано было неплохо... Ладно, трон Конану уже как-то предсказывали, и какую-нибудь корону он себе непременно добудет, но не таким же способом!

«Ваше здоровье, принцесса», – пробормотав это, Конан опрокинул очередную кружку темного аргосского, и взглянул, что творится в таверне. В зале кабака всю веселились, следовательно, большая часть добытого золота, уцелевшая от бдительного ока чиновников Фердруго, сейчас стремительно перетекает либо к хозяину «Стрел», либо к вопящим девицам... Запретить, что ли, команде пить вино в таких количествах? А то вчера вернулись, а завтра опять тащись в море... Или не вчера?

– Зелтран! Зелтран, осьминога тебе в задницу, проснись!

Но боцмана, упавшего головой в тарелку с обглоданными костям и сладко похрапывавшего, не могло разбудить ничто и никто, даже капитанские крики в ухо. Ладно, пусть проспится...

– Хозяин!

Ага, Габорал, на лице которого читалась неприкрытая озабоченность тем, что господа королевские корсары уже упились до скотского состояния и явно гадавший, уцелеет ли его таверна к завтрашнему утру, возник у стола почти мгновенно.

– Да, капитан?

– Еще аргосского!

– Аргосского больше нет, – голосом, полным искреннего сожаления по отсутствующему напитку, сообщил хозяин. – Кончилось...

– А что осталось? – поинтересовался Конан, уверенный, что хозяин наверняка врет, надеясь, что капитан со своими бандитами уберется отсюда. А вот и не выйдет...

– Кордавское, – с готовностью сообщил Габорал.

– Разведенная моча, – вздохнул киммериец. – Ладно, тащи...

Когда новый бочонок был водружен на стол и кружки наполнены доверху, капитан королевских корсаров мрачно задумался о том, долго ли ему еще оставаться в этом звании. Все зависело от ответа на вопрос: уцелел ли хоть кто-нибудь с той злополучной галеры, на которую «Вестрел» наткнулся у побережья Шема? Тогда над морем стоял утренний туман, и, когда из плотной серой пелены под самым носом карака выплыл длинный корпус дрейфующей в ожидании рассвета галеры, все сочли, что упускать подобный случай – себя не уважать. На галере и пикнуть не успели, хотя некоторые в возникшей суматохе успели сигануть за борт и поплыть к близкому берегу. Значения тому не придали, но, когда содержимое трюмов галеры уже частично переместилось на палубу «Вестрела», кому-то по чистой случайности пришлось в голову взглянуть на флаг захваченного судна.

А флаг оказался зингарским...

В сущности это ничего не значило – мало ли кто мог напасть на галеру, и, даже если сбежавшие с нее и добрались до берега, кто поручится за то, что они сумеют вернуться в Кордаву? Но за многие годы странствий северянин хорошо усвоил подлый закон жизни – если неприятность может произойти, она непременно произойдет. Вопрос в том, кто и под каким соусом преподнесет замечательную новость о проделке капитана Конана Фердруго, и не будет ли старый король в этот день страдать, скажем, несварением желудка? А то под такое дело еще

прикажет развесить пиратов короны, стоящих у него как кость поперек горла, на городской набережной. В качестве дополнительного украшения улиц столицы, так сказать... И никакие прошлые заслуги не спасут. Наверное, все короли страдают короткой памятью; во всяком случае те, что встречались Конану, были именно такими – при первой возможности царственные особы забывали, чем обязаны северному наемнику и старались любым способом от него отделаться.

Ну и Нергал с ним, с Фердруго, выгонит – ему же хуже... Можно опять податься на острова, хотя такое сборище скорпионов, готовых в любой момент вцепиться друг дружке в горло, даже вспоминать неохота... Вдобавок там на варвара тоже злы – он, видите ли, нарушил какой-то из идиотских пиратских законов. Всю жизнь северянин плевал на законы, кроме тех, что сам устанавливал для себя, и не собирался так запросто менять свои убеждения. Поэтому он без всякого сожаления и очень скоро покинул Барахский архипелаг, наткнувшись по дороге на «Вестрел»...

Конан попытался заново растолкать боцмана, потому что пить в одиночку вовсе не привык, но Зелтран лишь неразборчиво мычал и просыпаться не собирался. Пришлось налить только себе, но тут за спиной у киммерийца раздалось пронзительное:

– Капитан, по вашу душу пришли!

Конан скривился – у этого мальчишки голос, как у осла – аж в ушах звенит. На кой он тогда его подобрал – Далайо досадить захотелось? Досадил, называется – привел на корабль гремучую змею и любопытного хорька в одном лице. Впрочем, от мальчишки была и несомненная польза – он развлекал команду и всегда был в курсе городских сплетен и новостей. Если бы еще и болтал при этом поменьше, вовсе б не было Вайду цены. А Далайо, кстати, зря пытался скрыться от барахцев под защитой кордавской короны – они все равно его нашли...

– Кто? – недовольно осведомился киммериец.

– Не знаю, капитан. Вот этот, – и Крысенок подтолкнул молчаливого посетителя к столу, а сам уселся поодаль на колченогий табурет, прислонился к стене и притворился, что дремлет. Конан не сомневался, что из предстоящего любопытного разговора не будет пропущено ни единого слова. Если бы у мальчишки были уши как у собаки, то сейчас бы они наверняка стояли торчком, ловя малейший звук. Или как у летучей мыши – вращались бы изо всех сил в разные стороны...

– Ну? – киммериец плеснул в свою опустевшую кружку темной приторно-сладкой жидкости и взглянул на брезгливо подсевшего к загаженному столу незнакомца. – Предупреждаю, мы – не торговое судно и грузов не берем. Пассажиров – тоже.

– Я знаю, – негромко сказал неизвестный. – Если бы требовался торговый корабль, то я нанял бы его в другом месте... Но мне нужны именно вы, капитан Конан. Вы и ваша команда.

– На кой? – коротко поинтересовался киммериец, так и не предложив своему собеседнику выпить. – Не люблю иметь дело с людьми, которые знают меня, но забывают назваться сами. Всегда выясняется, что они что-то скрывают...

Этот тихоня Конану определенно не нравился. Вечно все самые большие неприятности происходят от тихих и незаметных людишек... Чего ему надо? Не барахцы ли решили достать его таким способом? Ну что же, тогда они получают своего посланника обратно по частям...

– Мне скрывать нечего, в отличие от вас, капитан, – равнодушно пожал плечами зингарец. – Можете называть меня Вальдрио. Я хочу предложить вам... работу.

– Почему нам? В городе полно головорезов, которые за пару монет ограбят для вас Коронный замок и не будут задавать лишних вопросов... Кстати, что за чушь насчет того, что мне есть что скрывать?

– «Араминта», – тем же тихим невозмутимым голосом произнес Вальдрио.

– Это что, ваша жена или дочка? – Конан со стуком поставил наполовину опустевшую кружку на стол, и невесело подумал, что пророк из него вышел неплохой, только все предсказа-

ния мрачные... Откуда, Сет его побери, этот сухопутный заморыш может знать об «Араминте», тихо гниющей где-нибудь на пустынном берегу Шема?

– Не прикидывайтесь, капитан, – Вальдрио окликнул пробежавшую мимо служанку и попросил принести ему кружечку кордавского, желательно пятилетней давности. – Вы прекрасно знаете, о чем я. О галере «Араминта», которая вышла отсюда, направляясь в Асгалун, да так и не добралась. Ее не могло утопить штормом, потому что на галере были опытные капитан и рулевой. Впрочем, что говорить, вы не хуже меня знаете, куда она делась... Я не утверждаю, что вы это сделали специально, в конце концов, даже в таком... м-м... ремесле, как ваше, случаются ошибки. Дело не в галере и даже не в грузе, который был достаточно ценен, а в одном из пассажиров. Капитан, вы и ваши люди отправили на Серые Равнины близкого родственника короля, что, согласитесь, уже пахнет чем-то большим, чем простое и незамысловатое пиратство.

«Та-ак! Значит, этот тип, разряженный как павлин, действительно был важной персоной! Впрочем, он сам виноват – схватился за меч, так умей его держать! Но каким образом...»

Конан хорошо запомнил внезапно выскочившего из каюты человека, успевшего даже ранить кого-то из команды «Вестрела», всю хозяйничавшей на палубе захваченной галеры. Слишком резвому защитнику слегка стукнули по голове веслом, чего ему вполне хватило. Труп, после недолгого колебания, выкинули за борт, тут же позабыв о досадном происшествии. Но что королевский родственник мог делать на обычной торговой галере?

– Ехать, не привлекая внимания, в Шем, – оказывается, последнюю фразу киммериец, не заметив, произнес вслух, и Вальдрио, только что получивший свою кружку и с видимым удовольствием смаковавший ее содержимое, ответил. – Впрочем, это меня не касается. Важно лишь то, что вы его убили, и королю это обстоятельство доселе неизвестно. А также то, что Фердруго может и дальше оставаться в блаженном неведении. Конечно, рано или поздно он узнает об этом прискорбном событии, но не от меня, и ваше имя не будет иметь к случившемуся ни малейшего отношения.

– А если я сейчас пошлю вас подальше, а законникам Фердруго скажу, что в глаза не видел никакой галеры под названием «Араминта»? Что тогда?

– Тогда, во-первых, состоится королевский суд, на котором будут свидетели, которые подтвердят, что вы и ваши люди поджидали несчастную галеру с одной-единственной целью – отправить в Царство Мертвых ее пассажира, – обстоятельно и с нескрываемым сарказмом начал расписывать предстоящие Конану неприятности зингарец. – Во-вторых, спокойная жизнь в Кордаве для вас в любом случае закончится. Я полагаю, что вам-то на это наплевать, но есть люди, которые вам доверяют, и вряд ли вам захочется, чтобы они пострадали... Хотя, может, в варварских землях так и полагается? И в-третьих...

– Первых двух вполне достаточно, – мрачно буркнул Конан. – Из какой навозной кучи ты выполз, а?

– Это неважно. Так вы согласны выслушать мое предложение?

– Валяй, – кивнул северянин, подумав, что лучше всего было в то неудачное утро пройти мимо треклятой галеры. Но сделанного, как известно, не воротишь, даже если очень хочется. Ладно, послушаем, чего нужно этому не в меру осведомленному типу...

Вальдрио бросил по сторонам быстрый взгляд, убедившись, что никто их не подслушивает – большинство корсаров уже мирно спали на лавках и под столами, а те, кто пока был в состоянии передвигаться и шевелить языком, с трудом, но весьма увлеченно подсчитывали количество очков, выпавших на костях, и не обращали внимания на то, что подельывает и с кем разговаривает капитан. Крысенок старательно похрапывал, вторя боцману.

– Раздобудьте для меня одну вещицу. Я не настаиваю, чтобы немедленно бросились туда, где она находится, но чем быстрее вы соберетесь и приступите к делу, тем будет лучше для всех нас.

– Что за вещь-то? – каждый раз, когда киммериец слышал – «достаньте мне то-то или то-то», жизнь превращалась в сплошной кавардак, и Конан искренне удивлялся, как умудряется уцелеть в сыплющихся на его многострадальную голову неприятностях.

– Не знаю, – спокойно ответил зингарец.

– Это как? – опешил Конан. – Не знаешь?

– Да. Есть карта места, где она хранится. Я знаю туда дорогу. Но не имею представления, как выглядит искомый предмет. Именно поэтому я предпочел обратиться к вам. Кое-кто из ваших старых знакомых утверждает, что вы прекрасно справляетесь с подобными делами, и я этому верю... раз вы до сих пор живы.

– Ну и где же прикажете искать ваше сокровище? – ядовито осведомился северянин, чувствуя, что Вальдрио темнит. Что это за «знакомые», которым известно о его прошлых сомнительных подвигах? Или кто-то наболтал о происшедшем на Безымянном острове и позже, в кордавском дворце? Интересно, кто? Найти бы того болтуна и язык малость укоротить, чтобы думал в следующий раз, прежде чем трепаться...

– Бухта Красных Скал на побережье Стигии, возле границы с Кушем. Места пустынные, так что сможете спокойно высадиться. Затем – лиг десять прямо на восход, в направлении Сухмета. Увидите горы – не ошибетесь, других там нет – сворачивайте на юг и держитесь вдоль реки, что течет с гор. Река приведет вас, куда надо. Дальше можете воспользоваться картой. Местоположение нужного мне предмета на ней отмечено, а все, что встретится на пути и, на ваш взгляд, представляет ценность – принадлежит вам. Кроме того, я оплачиваю расходы на предстоящее путешествие и услуги ваших людей. Окончательный расчет производится после вашего возвращения с найденным предметом. Не сомневайтесь, сумма будет достаточной для того, чтобы каждый член экипажа «Вестрела» остался доволен... Мы договорились?

– Можно подумать, у меня есть выбор... А с какой стати я должен доверять тебе?

– С такой же, с какой и я, – холодно ответил зингарец. – Ведь ничто не помешает вам забрать все, что вы найдете, и не возвращаться в Кордаву. Тогда уже не будет иметь значения, узнает Фердруго о ваших делишках или нет.

Вальдрио порылся в небольшой сумке из тисненой кожи, висевшей на поясе, вытащил маленький железный ключ с резной бородкой и положил его на стол, отодвинув в сторону полупустые кружки и тарелки с объедками.

– Это – залог нашего договора. Утром деньги будут доставлены на корабль, а ключ послужит знаком, что они именно от меня.

Зингарец бросил на стол монеты – плату за вино, поднялся и направился к выходу. Отойдя на пару шагов, он оглянулся, коротко и жестко улыбнувшись, и негромко сказал:

– Но все же вам лучше вернуться, капитан. Лучше для вас и для ваших людей.

Конан проводил его мрачным взглядом, и, не оборачиваясь, вполголоса позвал:

– Крысенок!

Храп мгновенно прекратился, и Вайд возник на опустевшем месте зингарца, тут же завладев его кружкой, в которой еще плескалось на дне дешевое вино, и устался на капитана изумленными глазами:

– Капитан, он не может знать об «Араминте»! Никто в целом свете не может о ней знать!

– А этот знает, чтоб его Сет сожрал... Ты его когда-нибудь встречал?

Крысенок сосредоточенно подумал, не забывая отхлебывать из кружки, и помотал головой:

– Не могу же я помнить всю Кордаву! Но этот тип не тот, кем пытается казаться. Одежда купеческая или чиновничья, но не похож он на...

– Без тебя знаю, – огрызнулся киммериец. – Вот что, найди кого-нибудь, способного передвигать ногами, и марш за этим искателем сокровищ. Хотелось бы знать, куда он пойдет...

Хоть убейте, а почему-то мне кажется, что он только передал порученное, а сам имеет к этому такое же отношение, как вон тот стол.

Вайд согласно закивал, вытянулся, будто королевский гвардеец на посту у спальни своего монарха, едва не шелкнув каблуками, и отчеканил:

– Будет сделано, капитан!

После чего бросился расталкивать своего неразлучного приятеля Болто, тихо-мирно дремавшего в темном уголке. Уже вдвоем они пинками и уговорами подняли на ноги Саргоса, туповатого и медлительного, но зато сильного, как бык. Расчет был правильным – двое таких уличных проходимцев, как Вайд и Болто, пролезут в любую щель и везде сунут свой любознательный нос, а в случае чего Саргос вытащит их из почти любой возможной заварушки. Троица быстро пошушукалась, и исчезла за дверями в уже начинавших спускаться на город сумерках.

* * *

Посмотреть со стороны, так все было привычно – любой человек, у которого достаточно золота и имеется минимальный талант убеждать, сможет подвигнуть королевских корсаров на небольшие авантюры ради блага нанимателя и наполнения их собственных карманов. Не в первый раз, в конце концов! Для чего, собственно, существуют на свете наемники, корсары и им подобные искатели приключений, как не для того, чтобы добропорядочные и законопослушные граждане наслаждались безмятежной жизнью, предоставив свои проблемы и неприятности тем, кто умеет и привык с ними разбираться? Только никогда не забывайте платить за работу, а то наемники имеют вредную привычку бунтовать, не получив обещанного, а пиратский бунт – зрелище не из приятных, да и обойдется куда дороже...

Сейчас Конан был не в состоянии рассуждать нормально. Больше всего ему хотелось выйти из таверны, разыскать маленького зингарца со спокойно-холодным голосом, и вытрясти из него все, о чем тот предпочел умолчать. А еще – поговорить с кем-нибудь, способным трезво оценить положение со стороны и сказать, что же теперь делать.

Инстинкт, да и простое знание жизни хором твердили киммерийцу, что там, где к делу хоть немного причастна Стигия, добра не жди. Здесь сразу начинало пахнуть – и не пахнуть вовсе, вонять! – магией, а магию северянин не любил в любых проявлениях, независимо от цвета – черную, белую, серую или еще какую. Многочисленные магические штучки, с которыми варвару приходилось иметь дело, отличались пакостной особенностью прекращать действовать в самый ответственный момент, либо выяснялось, что вся некогда имевшаяся в них магия выдохлась, как вино в небрежно закупоренном кувшине. Кроме того, киммериец всегда предпочитал самостоятельно решать, принимать предложения о работе или нет. А сегодня поиск неведомой штуковины ему просто-напросто навязали. Зингарец был прав – самому Конану было наплевать на то, попадет он в опалу к Фердруго или нет. Кордава – не единственный город на свете, и дорог из нее множество... Но на свете еще существовали три с лишним десятка человек, готовых пойти в огонь, воду и логово самого Сета вслед за киммерийцем, и было бы последней подлостью смыться и оставить их на расправу старому королю. С Фердруго станется извести под корень всю лихую команду «Вестрела», набранную с такими стараниями...

Не каждый день королевские корсары отправляют на встречу с Нергалом королевского родственника, так что старый интриган постарается, чтобы первый подобный случай стал и последним. А в назидание другим сорвиголовам Фердруго устроит такую бесподобную бойню, что и через десять лет помнит будут как команда карака «Вестрел» прощалась с этим светом... Придется тащиться в Стигию и искать «это неведомо что»... Одна надежда, что вещь

действительно достаточно высоко ценится для того, чтобы и сам капитан, и его люди не пожалели о проделанном путешествии. И уповать, чтобы размеры этого предмета были не больше «Вестрела», а то как прикажете втаскивать его на корабль? Стигия и потом, вдобавок, на юг – это ж надо будет тащиться по джунглями, вот тоже большое удовольствие...

Зелтран наконец проснулся. Судя по его страдальческому виду и глазам, красным будто у голодного гуля из Рабирийских гор, боцмана мучило тяжкое похмелье. Само собой, что ни слова из происходившего у него над ухом разговора Зелтран не слышал, а сейчас был озабочен только тем, как бы поскорее избавиться от головной боли.

Зашевелились и по углам, постанывая и покряхтывая. Конан убедился, что его доблестная команда пережила загул, и настроена продолжить веселье. Габорал, похоже, смирился с мыслью, что команда карака останется у него жить, и даже выкатил откуда-то припрятанный было бочонок с аргосским. После двух кружек Зелтран слабым голосом заявил, что ему стало значительно лучше, и поинтересовался, действительно за столом еще кто-то сидел или ему показалось. Выяснилось, что затуманенные вином маленькие глазки боцмана кое-что сумели углядеть, но все, произошедшее потом, скрылось в непроглядном хмельном тумане...

Конан как раз пересказывал боцману свой разговор с неведомо откуда свалившимся подозрительным работодателем, когда гулко хлопнула входная дверь и в «Девять стрел» вошел посланный за зингарцем Вайд. Вид у него был такой, будто мальчишка только что невероятно хитроумным способом увел из тщательно охраняемой сокровищницы Большую корону Кордавы, но на первом же перекрестке проиграл ее в «пять камешков». Туповато оглядевшись по сторонам, Крысенок остановил взгляд на капитане и целеустремленно направился к столу, наступая на руки и ноги лежавших на полу, и сопровождаемый возмущенными воплями и изощренными проклятиями.

– Капитан, они арестовали Болто и Саргоса, – бесцветным голосом сообщил он и не сел, а рухнул на стул, потянувшись к кружке Зелтрана.

– Чего? – недоуменно переспросили Конан и боцман «Вестрела». – Кто арестовал? За что?

– Королевские гвардейцы, – вяло ответил Вайд. – За то, что мы устроили драку в «Танцующей селедке» и убили кого-то... Не помню.

– Вспомни, – посоветовал киммериец. – Ты можешь толком рассказать, во что вы вляпались? Я тебя куда посылал?

«В жизни не поверю, что королевские гвардейцы решатся арестовать кого-то из корсаров, даже таких сопляков, как Крысенок и Болто! Да ведь с ними был Саргос, а с эдаким здоровьем никто, если в своем уме, связываться не станет!»

– Я и говорю, гвардейцы нас схватили в Кривом переулке и сказали, что, мол, мы зарезали какого-то хрыча в «Селедке», – уже бодрее сказал Вайд, осушив половину огромной кружки. – Капитан, я все-таки в состоянии отличить каравеллу от галеры и форму гвардии короля от одежд жрецов Митры!

– А вы действительно никого не прирезали? – поинтересовался удивленно слушающий и ровным счетом ничего не понимавший Зелтран.

– Да мы в «Селедку» совсем не заходили! Держались следом за тем типом, который такой умный, что мозги из ушей капаят... Он сначала пошел на Парусную, там зашел в большой дом, из богатых, побыл внутри немного, и поковылял к Старой гавани, а мы за ним...

– И что? – нетерпеливо спросил Конан.

– А он шмыгнул в один домишко, и застрял там. Мы постояли, подождали – не высвобождается. Болто сказал – давай покараулим, а ты сходи к капитану, расскажи, чего видели, и спроси – надо дальше ходить? Они остались, а я пошел к тебе. Пару улиц прошел – сзади крик. Рванул назад – а там стражники Болто с Саргосом вяжут! Пять человек – и откуда они взялись? – отродясь гвардия в Старую гавань не заглядывает, их туда ничем не заманишь! Я

обратно побежал, а тот тип так из дома и не вышел. Скорее всего нас заметил и ушел через черный ход или еще как... – Вайд растерянно посмотрел на стремительно мрачнеющие лица капитана и боцмана. – Белом клянусь, никого мы не убивали!

– Зелтран, присмотри, чтобы тут все было в порядке. А лучше поднимай всех наших да гони на корабль, – сквозь зубы процедил Конан, поднимаясь с табурета. – Пошли взглянем на гвардейцев, которым настолько надоела жизнь, что они решаются поднять руку на корсаров короны. Крысенок! Ты память по дороге не растерял?

– Нет, – кратко отозвался Вайд, решительно снимая висевший на стене массивный кованый фонарь с мерцающей внутри свечкой.

Принадлежавший киммерийцу огромный двуручный меч в простых ножнах, обтянутых кожей с бронзовыми накладками, стоял небрежно прислоненным возле стены. Конан на ходу подхватил его, подтолкнул замешкавшегося Вайда, яростно пнул дверь и первым выскочил из таверны на улицу. Смотревший им вслед Зелтран невольно подумал, что первому оказавшемуся на дороге разъяренного капитана гвардейцу очень не поздоровится...

Старая гавань и прилежавшие к ней кварталы были ровесниками города, а в старых летописях утверждалось, что некогда здесь стоял маленький рыбацкий поселок, из которого, собственно, и вырос славный город Кордава. Позже выстроили Новую гавань, известную на все Южное побережье, а Старую, обмелевшую и запущенную, нынче использовали всякие темные личности, которым лишнее внимание было совершенно ни к чему – контрабандисты, тайком навещавшие город представители Красного Братства, торговцы живым товаром и прочий сброд, какого хватает во всех приморских городах. Район вокруг гавани пользовался печальной известностью – в одиночку сюда не советовали соваться даже днем. Король Фердруго уже который год грозился, что под корень изведет этот рассадник пороков, но пока никаких заметных шагов для наведения там порядка не предпринималось. Обманчиво тихие и безобидные, покосившиеся домишки с черными провалами окон, окружившие Старую гавань, населял неразговорчивый люд, предпочитавший без лишней необходимости не показываться на улицах, а если и покидать дом, то исключительно по ночам... Короче, это было не то местечко, где почтенному горожанину хотелось бы провести остаток своей жизни.

Кривой переулочек соответствовал своему названию – каждые десять шагов он менял направление почти на прямо противоположное, и Конан вскоре убедился, что без знающего любые закоулочки в Кордаве Крысенка точно бы заблудился после третьего же поворота. Отстававший поначалу Вайд теперь бодро топал рядом, помахивая фонарем и оглядывая темные очертания домов. Наконец, он остановился и, еще раз все осмотрев, заявил:

– Пришли. Вот в ту халупу с башенкой зашел этот, как его... Вальдрио. А мы стояли вон там. Как вы думаете, капитан, куда наших увели?

– Тихо! – прошипел Конан, толкая мальчишку в глубокую стенную нишу. – Фонарь спрячь!

Крысенок послушно прикрыл фонарь полый плаща и только тогда осмелился прошептать: – А что...

Из двухэтажного домика с темными окнами и съехавшей от старости набок башенкой вышли трое, представлявшие собой вполне привычную на улицах Кордавы картину – двое приятелей ведут до дома изрядно подвыпившего третьего, едва переставляющего ноги и грузно висящего на их плечах.

– Крысенок, а ведь это наш не в меру мудрый друг, – еле слышно сказал киммериец. – И он отнюдь не пьян... Стой здесь!

Вайд замер на месте, а Конан скользким беззвучным шагом двинулся по погруженной в тень улице вслед за медленно удалявшейся троицей. Крысенок даже не успел заметить, когда длинный клинок переместился из ножен в руку северянина. Дальше начались странности. Он был уже шагах в пяти за спинами ничего не подозревавших субъектов, когда один

из них оглянулся и коротко свистнул. В тот же момент вяло переставлявший ноги Вальдрио что-то невнятно выкрикнул, вырвался из рук своих то-ли сопровождающих, то-ли сторожей, и, пошатываясь, побежал по улице. Оставшаяся без своей добычи парочка, не долго думая, развернулась и быстро юркнула в ближайший проулок, заполненный непроглядной чернотой.

Бежавший Вальдрио неожиданно запнулся, глухо охнул и со всего размаху хлопнулся на торчащие булыжники мостовой. Раздался отчетливый сухой треск. Капитан ринулся вслед за скрывшимися любителями ночных прогулок и пустующих домов, и почти сразу же донеслись звуки схватки – лязгнуло железо, пронзительно и яростно вскрикнул человек...

Зингарец остался на попечении Крысенка, осторожно подошедшего к лежавшей ничком фигуре, и сразу понявшего, что падение вызвано вовсе не неровной мостовой – в спине Вальдрио торчали черные рукоятки двух тяжелых метательных ножей – один вошел точно между лопаток, второй вонзился повыше и левее. Между булыжников заблестели темные влажные струйки, Вайд приподнял фонарь повыше и отодвинулся – при падении зингарец разбил себе голову, ободрав всю кожу с виска.

Послышались быстрые шаги – возвращался Конан. Капитан шел один.

– Удрали, – недовольно сказал он, подходя поближе и коротким движением забрасывая меч в ножны за спиной, – одного достал, но лишь оцарапал, а второй заскочил в какую-то развалюху и будто в воду канул. Ну, а здесь что?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кордава, столица Зингары

(продолжение)

Вайд красноречиво провел себе пальцем по горлу и развел руками. Поставив фонарь на мостовую, он быстро и привычно обшарил карманы и висевшую у пояса кожаную сумку покойника. Несколько золотых и серебряных монет разного достоинства, пара маленьких, хорошо выделанных кусков пергамента без каких-либо записей, полупустая баночка с чернилами – то, что носит с собой любой купец или состоятельный горожанин. Киммериец, нагнувшись, выдернул оба ножа, осмотрел и разочарованно пожал плечами:

– Клейма нет, обычные ножи... И что теперь?

– Не знаю, – честно сказал Вайд. На ночных улицах Кордавы люди частенько расстаются с жизнью, но сейчас случилось что-то совсем непонятное...

– Ты своими глазами видел, как он зашел в этот дом? – Конан посмотрел на молчаливую развалюху, которая не рассыпалась от старости только потому, что соседние дома подпирали ее.

– Видел. Он зашел туда сам, никто его не волочил и не звал. Он просто вошел, словно его там ждали или он там жил... Слушайте, капитан, мне кажется, или чем-то пахнет?

Они старательно принюхались – сладковатый дурманящий запах, без сомнения, шел от тела Вальдрио.

– Где-то я уже такое встречал... – озадаченно сказал Вайд. – Но где?

– Лотос, – подумав, определил киммериец. – Черный или желтый. Теперь понятно, почему он плелся, раскачиваясь, словно законченный пьяница. Здесь можно достать листья лотоса, Крысенок?

– В паре кварталов отсюда есть курильня, – припомнил Вайд. – А лотос может купить почти каждый, если у него есть чем заплатить и он знает, где спрашивать. Они заставили Вальдрио нанюхаться лотоса?

– Верно. Отвели бы к ближайшему причалу и столкнули. Утром стражники вытащат – ага, курильщик перебрал и отправился ловить луну в море. Или он бы просто тихо отдал концы на берегу... Ну что, пойдём, посмотрим, что в этом домишке?

– Пошли, – согласно сказал Вайд, поднимая фонарь и подхватывая в другую руку один из ножей, оборвавших жизнь человека по имени Вальдрио (если таковое действительно было его именем), хотя идти в пустой дом ему совсем не хотелось. Второй нож Вайд сунул за пояс и побежал догонять Конана, уже стоявшего перед крыльцом в две ступеньки.

Из дома несло застарелой плесенью – запахом давно покинутого и необитаемого жилья. Никаких звуков из-за стоявшей нараспашку и едва держащейся на одной петле двери не доносилось. Конечно, в доме могло прятаться с десяток головорезов, подобных тем, что сбежали, предварительно прикончив Вальдрио, но, как киммериец не прислушивался, ничего не услышал. А люди, за редким исключением, не умеют сидеть в засаде беззвучно... Значит, в доме действительно никого не осталось.

Половицы под ногами издавали жуткий скрип, проседая при каждом шаге так, что казалось – сейчас прямоком провалишься в подвал. Отсветы раскачивавшегося фонаря выхватывали

вали из темноты остовы гниющей мебели, какие-то разломаченные пыльные тряпки и огромное количество паутины.

– Никого тут нет, – шепотом сказал Вайд. – И чего они здесь могли делать, а? Жутко-то как...

– Помолчи, – Конан увидел еще одну дверь, сохранившуюся получше, чем входная. Крысенок наклонил фонарь, осветив пол – к закрытой, но незапертой двери вели отчетливо видимые в серой пушистой пыли следы. – Давай туда. Держись за мной.

Киммериец ногой толкнул дверь, держа меч наготове. Створки распахнулись почти без скрипа – видимо, петли недавно смазали. За дверью была комната – точное подобие первой, запустение и затхлый запах. В окно пробивались косые полосы неяркого лунного света, поднятая шагами людей пыль медленно опускалась на пол, кружась в воздухе.

Крысенок неожиданно попятился, выронив фонарь, и издал какой-то сдавленный звук, точно его душили, судорожно тыкая рукой в потолок комнаты. Потерявшись в тенях, отбрасываемых старыми вещами, на веревке, перекинутой через торчавшие из наполовину обрушившегося потолка стропила, покачивался человек.

– Не стой столбом! – рявкнул Конан, сообразив, что повешенный им не померещился. – Приподними его!

Вайд, справившись с оцепенением, влетел в комнату и, обхватив ноги висевшего, изо всех сил подтолкнул его вверх, так что на веревке образовалась заметная слабина, а киммериец в один взмах рассек крученный шнур, еле успев подхватить падающее тяжелое тело. Вдвоем они уложили неизвестного на пол, Крысенок сходил за брошенным впопыхах у порога фонарем, свеча в котором только чудом не погасла, и осветил посиневшее лицо. Зрелище было не из приятных – вывалившийся прикушенный язык, закаченные белые глаза, а вдобавок по комнате распространился резкий запах мочи.

– Это же Болто, – с трудом выговорил побелевший Вайд. – Капитан, это же Болто, как же так, их же забрали гвардейцы, я сам видел, не может этого быть...

– Не скули! – прикрикнул киммериец. – Лучше вспомни, что ты им сказал, когда вы ушли из таверны и пошли за Вальдрио?

– Ничего, – мальчишка один раз коротко всхлипнул, но взял себя в руки. – Саргосу – ничего, а Болто – что капитан велел проследить за одним типом, который вроде хочет нас нанять, но крутит и не говорит, зачем. А больше ничего, ни слова...

– Саргос наверняка тоже где-то здесь... Найду ублюдка сделавшего это – пожалеет, что на свет родился, – мрачно пообещал Конан. Это были уже не шутки – никому не позволено вот так, походя, убивать его людей! – Посиди тут, я посмотрю, может, еще что найдется...

Он сдернул со стола почти истлевшую скатерть и накрыл ею тело Болто. Потом пошарил по комнате, нашел полуобгоревшую толстую свечу, явно забытую сбежавшей подозрительной парочкой, зажег от свечи в фонаре и отправился в обход пустых комнат, оставив примолкшего Вайда сидеть возле тела нелепо погибшего приятеля.

Саргоса северянин обнаружил почти сразу – он лежал в первой комнате, они поначалу не заметили его, приняв за груды тряпья. Туповатому здоровяку аккуратно и со знанием дела перерезали горло от уха до уха, положив тело над проломом в полу, чтобы кровь стекала в подвал. Тихие равномерно-капающие звуки и привлекали внимание. Затем Конан наткнулся на еще кое-что интересное – скомканную и небрежно брошенную в угол форму городской стражи с пятнами свежей крови.

«Хотелось бы знать, во что мы вляпались на этот раз, – мрачно размышлял киммериец, пытаясь разобраться, сколько же форменных одежек валяется на полу. Выходило, что три, а Крысенок говорил о пяти стражниках. – Сет с ним, с Вальдрио, он, видимо, выполнил поручение, сходил затем на Парусную к своему хозяину, доложил, но зачем он поперся в Старую гавань? Сообщить еще кому-нибудь, что идиот-варвар согласился? Тогда зачем надо было его

убивать? И зачем прикончили Болто и Саргоса, явно не имевших понятия, что происходит? Повезло Крысенку, успел сбежать... И как теперь, мы наняты или договор можно считать расторгнутым?»

– Капитан! – Вайд стоял на пороге комнаты, держа фонарь над собой и настороженно вглядываясь в заполнившую дом темноту. – Капитан, вы где?

– Здесь, – негромко откликнулся Конан. – Что стряслось?

– Я... Я сидел и вспомнил одну вещь, но самому как-то в такое не верится...

– Ну? – подбодрил его киммериец. – Что особенного ты вспомнил?

– Того человека, что был с гвардейцами. Я решил, что мне померещилось, потому что он никак не мог там быть... Помните, наши в прошлый раз сцепились с недоумками с «Блудливой красули»? Так вот, этот человек там был, я точно помню. Такой бушприт, что у него заместо носа, не узнать трудно... Но я просто не поверил – что он может делать в королевской гвардии? – и решил, что обознался, да и далеко было... – сбивчиво заговорил Вайд.

– С «Блудливой красотки»? – недоуменно переспросил Конан. – Ты уверен?

– Почти... – нерешительно отозвался мальчишка.

– А кому принадлежит «Красотка»? Боргесе, или как его?

– Ага, ему. Графу Боргесе... – подтвердил Вайд. – Капитан, что с ними делать? Мы не можем оставить их в доме... Надеюсь, нашли Саргоса?

– Нашел. И форму гвардейцев. Так что они такая же королевская стража, как ты – зингарский дворянин. Вот что – оставлять тела в доме, конечно, не стоит, но и заниматься ими сейчас некогда. Вытащим на улицу, до утра никто не уволочет, а потом придем и заберем, похороним по-человечески. Поищи каких-нибудь тряпок, да побыстрее, надо еще кой-куда сходить.

– Куда? – скорее по неистребимой привычке знать все, чем из настоящего любопытства спросил Вайд.

– Навестим Чабелу, – хмыкнул Конан. – Мне нужен человек, знающий дворцовые сплетни, способный рассказать, что за птица Боргеса. Неужели он настолько не дорожит своей шкурой, что решил убивать моих людей?

– Принцессу Чабелу? – растерянно повторил Крысенок, точно не понимая до конца, что ему говорят.

– А ты знаешь другую принцессу, которая носит такое имя? Шевелись, а то до утра провозимся!

...Далекий бронзовый колокол на башне Коронного замка отбил полночь. Тягучий надтреснутый звук проплыл в темноте над дремлющим городом и затерялся где-то в море.

* * *

Попасть в гости к ее высочеству, принцессе крови Чабеле оказалось куда проще, чем представлялось Вайду. Всего-то делов – перемахнуть невысокую каменную ограду, оглушить парочку не ожидавших нападения разленившихся дворцовых часовых, пробежать через пустой темный сад и забраться в первое попавшееся из высоких стрельчатых окон, распахнутых по причине жаркой погоды и происходившего в замке праздника – музыка, голоса и смех разносились по всему дворцу.

Собственно, дворцов было два: старая крепость, заложенная одновременно с основанием города, чьи неприступные и грозные бастионы из серого и темно-красного гранита поднимались над пестрой суетой гавани, и новое здание, построенное при отце нынешнего короля и недавно несколько переделанное Фердруго. По сравнению с мрачным Старым замком, Новый, с его причудливыми башенками, витражными окнами и стенами розово-белого камня выгля-

дел воздушно и легкомысленно, точно молодая красивая жена рядом со пожилым непривлекательным мужем.

Левое крыло Нового замка, террасами спускавшееся к морю и окруженное пышным садом, принадлежало дочери Фердруго – очаровательной особе неполных двадцати годов от роду и единственной наследнице кордавской короны (если не считать другим претендентом младшего брата короля). Впрочем, ветреной и беззаботной Чабелу мог назвать только человек не знающий ее близко.

Вот уже третий год принцесса вела тихую, но упорную войну с многочисленными претендентами на ее руку и маячившую в отдалении корону Зингары. Дочка старого короля, упорно державшегося на троне уже третий десяток лет и без колебаний уничтожавшего всякого, кто пытался столкнуть его с трона, выросла достойным отпрыском своего папеньки и пока никто из домогавшихся руки принцессы дворян не мог уверенно сказать, что может рассчитывать на какое-то преимущество в ее сердце...

Даже к такой ужасной мысли, как брак с варваром-северянином, Чабела подошла весьма разумно – так у нее появлялась уверенность, что на следующий день после смерти короля и ее собственной коронации, Зингара не будет захвачена только и ждущими этого Аргосом или Аквилонией. Свои соображения она однажды выложила изрядно повеселившемуся Конану, глядя на него честными глазами простодушной девочки. Отсмеявшись, киммериец предложил ей:

– Послушай, Чабела, когда станешь королевой, отыщи меня, и я с удовольствием стану у тебя... ну, скажем, командующим армией. Я даже согласен на маленькое жалование.

– Если бы вы, капитан, были моим мужем, казне это обошлось бы бесплатно, – с сожалением сказала Чабела. – Но чего нет, того нет... Что в этом такого смешного, а? Разве вам каждый день предлагают по короне? Отец вам многим обязан, он, конечно, будет метать громы и молнии, но я его уговорю. Неужели вам до сих пор не надоело носиться по всему миру и сражаться? Конечно, я женщина, мне этого не понять, но...

Принцесса умела добиваться своего, и в том, что на сей раз у нее ничего не получилось, ее вины не было. Но хорошие отношения между наследницей короны и корсарским капитаном сохранились, и теперь Конан рассчитывал, что Чабела расскажет ему кое-что интересное и способное пролить свет на насквозь непонятную историю случившуюся минувшим вечером.

Из пустовавшей комнаты киммериец и позабывший закрыть рот и заворуженно глазевший по сторонам Крысенок выбрались в длинный коридор, увешанный гобеленами, почти сразу же наткнувшись на дремавшую в кресле с высокой спинкой девушку – служанку или камеристку.

– Вот она-то нам и нужна, – прошептал Конан. – Пусть потрудится и сходит за Чабелой.

Наверное, из всех пробуждений у бедной служанки это выдалось наилучшим, и если бы северянин вовремя не зажал ей рот ладонью, то визгу бы было на всю Кордаву. Убедившись, что страшный и неизвестно откуда взявшийся чужеземец кричать ей все равно не даст, но и вреда вроде причинять не собирается, девушка перестала вырываться и прислушалась к тому, что ей говорили:

– Ты знаешь, где Чабела?

Служанка истово закивала.

– Кричать будешь?

Темноволосая головка отрицательно замоталась из стороны во сторону, а на личике девушки появилось выражение, показывающее, что без позволения она не издаст ни единого звука.

– Ладно, – кивнул варвар, а отпущенная служанка облегченно вздохнула и на всякий случай попятилась. – Иди, разыщи светлую госпожу и скажи, что... Что пришел один человек, которого она знает по Безымянному острову. Запомнила?

– П-по Безымянному о-острову... – чуть слышно пролепетала девушка. – Мне можно идти, ваша милость?

– Бегом! И не вздумай позвать стражу – Чабела тебя в порошок сотрет.

Служанка подхватила зашуршавшие юбки и торопливо побежала по коридору, даже не решившись оглянуться. Великий Митра, что за знакомые у принцессы? Может, все-таки лучше сначала сбегать к начальнику охраны дворца? Нет, страшно, пусть ее высочество сама разбирается со своими гостями... Кстати, незнакомцев было двое или показалось?

– А мы подождем, – Конан хозяйским жестом распахнул двустворчатые двери красного дерева с золотыми украшениями и ручками в виде орлиных лап. Вайд с ужасом посмотрел на вошедшего в комнату и удобно расположившегося в кресле капитана – сама мысль о том, чтобы зайти в такую комнату, а уж тем более – жить там, представлялась ему кошунством. С равным успехом можно, наверно, поселиться в храме Митры... Интересно, сколько бы дали на Морском Рынке хотя бы вон за ту пару серебряных подсвечников?

– Ты всю оставшуюся жизнь собираешься простоять в дверях? – осведомился киммериец, прислоня снятые ножны с мечом к хрупкому на вид одноногую столику. – Это всего лишь комната.

– Знаете, капитан, я лучше снаружи подожду, – пробормотал Вайд, пятясь и выскакивая обратно в более опасный, но зато ставший уже привычным коридор. – Да и идет кто-то...

– В разговор не соваться, слушать во все уши. И не вздумай соблазнять эту пугливую красотку! – нарочито строгим тоном предупредил северянин.

– Больно она мне нужна... – и Крысенок, оправдывая свое прозвище, юркнул за декоративную колонну между гобеленами и исчез.

Чабела, вырванная из веселой круговерти дворцового праздника, быстрыми шагами шла по коридору так быстро, что перепуганная служанка едва успевала за ней. Принцессу не зря называли «розой Кордавы» – при несколько полной фигуре она была очаровательна, с ее ясными темными глазами, алыми пухлыми губками и наследным носиком с заметной горбинкой. Длинные черные косы, переплетенные блестящими нитками жемчугов, бархатное темно-бордовое платье с белыми кружевами – покорительница сердец и вдохновительница подвигов... Чем-то она была похожа на Санчу или, скорее Санча на нее, с одной маленькой разницей – Чабела родилась принцессой, а Санча безуспешно пыталась походить на таковую.

Не войдя, а влетев в комнату, Чабела тихонько ахнула и, напрасно пытаясь придать от природы смешливому голосу строгость, спросила:

– Почему вы никогда не приходите, как все люди?

– Потому что, как известно всем, я дикий и неотесанный варвар, – ухмыльнулся Конан, поднимаясь с кресла. – Тебе ли этого не знать?

– Все время забываю... А я и не знала, что вы вернулись, капитан. Как прошло... м-м-м... плавание?

– Лучше, чем можно было ожидать.

Чабела подняла с подноса, лежавшего на маленьком круглом столе, крохотный бронзовый колокольчик и дважды позвонила. В дверь тут же просунулась несколько успокоившаяся служанка:

– Я здесь, ваше высочество!

– Аргосского, милочка, – Чабела оценивающе взглянула на снова занявшего кресло киммерийца, подумала и добавила: – Побольше...

Служанка убежала и вскоре вернулась с подносом, на котором красовались две вместительные оплетенные бутылки, плоское блюдо с темным местным виноградом и бледно-желтыми ранними персиками, а также два высоких серебряных бокала с вычеканенными на них виноградными листьями.

После того, как принцесса трижды переспросила у нее, точно ли пришедший иноземец сказал «Безымянный остров», потом умчалась из танцевального зала, бросив всех своих поклонников, точно лань от своры разъяренных псов и по дороге едва ли не распевала во весь голос, а теперь велела принести такую гадость, как аргосское вино, служанка уже ничему не удивлялась. Быстро расставив на занимавшем центр маленькой комнаты низком столе всю доставленную снедь, и спросив, не будет ли каких распоряжений, она получила в ответ разрешение быть свободной до утра и с облегчением выскочила в коридор, подальше от пугающего гостя наследницы короны.

– Так чем обязана вашему столь внезапному и позднему визиту, капитан? – одна бутылка уже опустела, причем почти без помощи Чабелы. Положенная часть правдоподобных (и не слишком) историй о прошедшем плавании и житье-бытье славного города Кордавы рассказана и с интересом выслушана, но не надо быть высокоученым книжником, чтобы сообразить, что непредсказуемый киммериец явился в гости не затем, чтобы попивать аргосское и уж точно не ради прекрасных глаз королевской дочки...

– Хорошие у твоего отца погреба, Чабела, – отозвался Конан. Вино и самом деле было недурно, куда лучше того, что подавали у Габорала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.